

ВЛАДИМИР КАРАСИК

 <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Государственный институт
русского языка имени А. С. Пушкина
Кафедра общего и русского языкознания
117485, Москва
ул. Академика Волгина, 6
vkarasik@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

BIBLICAL ALLUSIONS IN CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY

The paper deals with enigmatic symbols presented in Biblical allusions in the texts of contemporary Russian poets Bakhyt Kenzheev, Evgeny Lesin, Ilya Falikov and Oleg Komkov. Three types of artistic symbols may be distinguished according to the criterion of their interpretative depth: empathic symbols are connected with the most important characteristics of existence, eidetic symbols remain in our memory due to the exceptional brightness of images, while enigmatic symbols constitute riddles to be deciphered. Biblical allusions in modern Russian poetry often belong to the third class of symbols. The allusions in the poems analysed are predominantly tragic in tone and develop the ideas of Ecclesiastes, with an emphasis on the incomprehensibility of the divine plan. The images of retribution to Sodom and flights to Egypt and from it illustrate the eternal circle of human existence. Bakhyt Kenzheev offers a new reading of the story of the destruction of Sodom, in which God's messenger comes to the ruins of the city to see if there are any survivors after the apocalyptic retribution. A new dialogue with Ecclesiastes includes an image of an endless line of lanterns which may symbolise an after-death meeting of souls. In another poem of this author there is an allusion to the world's annihilation as a necessary stage of the development of the Universe. Evgeny Lesin calls his country the last Sodom, and a place which he is reluctant to leave even though he is aware of its imminent fate. A new interpretation of the Exodus from Egypt is given by Ilya Falikov. In his take it becomes an eternal journey in a circle with no chance of escape. Oleg Komkov also treats this narrative in a new way: as a never-ending chain of death and resurrection. These allusions emphasise the idea that after creation, there inevitably comes destruction. The emphasis in the analysed texts is on a tragic perception of the world blended with an ironic attitude to it. Interpreting enigmatic symbols requires from the readers a creative participation in the dialogue with poets.

Keywords: Biblical allusions, modern Russian poetry, motif of retribution, motif of escape, motif of moving in a circle.

В статье рассматриваются библейские аллюзии в стихотворениях Бахыта Кенжеева, Евгения Лесина, Ильи Фаликова и Олега Комкова. Можно выделить три типа художественных символов на основании их интерпретативной глубины: эмпатические, эйдетические и энigmatические. Первые захватывают адресатов, поскольку касаются важнейших характеристик бытия, вторые остаются в памяти благодаря яркости образов, а третьи представляют собой загадки, требующие интеллектуальных усилий для расшифровки. Предложены интерпретации энigmatических символов в приведенных текстах. Показано, что библейские аллюзии в современном поэтическом осмыслении содержат перекличку с Экклезиастом, касаются судьбы уничтоженного Содома, спасения в Египте и исхода из рабства. Ставится под вопрос справедливость божественной кары и вечного движения по кругу. В стихотворениях Бахыта Кенжеева тема уничтожения Содома находит новое продолжение, посланец Бога проверяет, остался ли кто-либо в живых после апокалипсической кары, диалог с Экклезиастом дополнен многозначным образом бесконечной ленты фонарей, этот образ допускает интерпретацию посмертной встречи душ. Интересна аллюзия к уничтожению мира как запрограммированному этапу развития Вселенной. Евгений Лесин называет свою страну последним Содомом, который не хочется покидать, хотя участь оставшихся известна. Илья Фаликов по-новому интерпретирует тему исхода из Египта как движения по кругу, лирический герой никогда не сможет обрести свободу. Этот сюжет в необычном ключе осмыслен в стихотворении Олега Комкова, бегство в Египет показано как смерть и возрождение. Поэты акцентируют внимание на неизбежности разрушения мироздания как закономерном этапе сотворения миров. Основной пафос библейских символов в проанализированных текстах состоит в понимании трагизма бытия и горькой иронии по этому поводу. Интерпретация энigmatических символов требует креативного участия читателей в диалоге с поэтами.

Ключевые слова: библейские аллюзии, современная русская поэзия, мотив кары, мотив бегства, мотив движения по кругу.

Библия – один из основных прецедентных текстов современной цивилизации. Библейские темы осмысливаются и переживаются многими представителями современной русской поэзии. В основу данной работы положено предположение о том, что библейские аллюзии в творчестве современных поэтов могут быть разбиты на определенные типы. Такую типологию можно построить на основании различных критериев: по тематике сюжетов, по тональности комментирования, по глубине смысла в аллюзиях, по символической нагруженности.

Художественные символы неоднократно привлекали к себе внимание¹. Исследователи едины в том, что художественный символ представляет

¹ А. А. Михайлова, *Символ, аллегория, притча. На путях художественного познания мира (Значение условных форм в искусстве и литературе)*, «Знамя» 1966, № 11, с. 213–229; С. С. Аверинцев, *Символ*, [в:] *Философский энциклопедический словарь*, Москва: Советская энциклопедия 1983, с. 607–608; М. В. Пророков, *Категория художественного образа и проблема символа (в литературе)*, «Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология» 1987, № 4, с. 39–47; А. Ф. Лосев, *Проблема символа и реалистическое искусство*, 2-е изд., испр., Москва: Искусство 1995; Ю. М. Лотман, *Между эмблемой и символом*, [в:] *Лотмановский сборник*, сост. Е. В. Пермяков, Москва: Российский государственный гуманитарный университет 1997, т. 2, с. 416–423; Е. В. Шелестюк, *Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной*

собой образ с высоким ценностным содержанием, допускающий множественную интерпретацию. Можно выделить три типа художественных символов на основании их интерпретативной глубины: эмпатические, эйдетические и энигматические символы². Первые захватывают адресатов, поскольку касаются важнейших характеристик бытия, вторые остаются в памяти благодаря яркости образов, а третьи представляют собой загадки, требующие интеллектуальных усилий для расшифровки.

Остановимся на энигматических символах. Библейскими аллюзиями насыщены многие стихотворения Б. Кенжеева. Приведем одно из них:

Всадник въезжает в город после захода солнца.
Весело и тревожно лошадь его несется.
Всадник звенит булатом, словно кого-то ищет.
Не надрывайся, милый, не обессудь, дружище.

Город лежит в руинах, выцветший звездный полог
молча над ним сдвигает бережный археолог.
Стены его и рамы – только пустые тени,
дыры, провалы, ямы в пятнах сухих растений.

То, что дорогой длинной в сердце не отшумело,
стало могильной глиной, свалкою онемелой.
В городе визг шакала, свист неумной птицы.
Весть твоя опоздала. Некому ей дивиться.

Тень переходит в сумрак, перетекает в пламя.
Всадник, гонец бесшумный, тихо кружит над нами.
В пыльную даль летящий, сдавшийся, безъязыкий,
с серой улыбкой, спящей на просветлевшем лике³.

(«Всадник въезжает в город после захода солнца...»)

Зададимся вопросами: В какой город прибывает всадник? Кто этот всадник? Какую весть он нес? Почему появилась улыбка на лице всадника? Библейские аллюзии позволяют дать возможные ответы на эти вопросы. Мы понимаем, что всадник опоздал, ибо город опустошен. Вместо

поэзии XX века), автореф. дис. на соис. уч. ст. к. филол. н., Москва 1998; А. Г. Шейкин, *Символ*, [в:] *Культурология: энциклопедия*: в 2 т., Москва: РОССПЭН 2007, т. 2, с. 457–458; А. Л. Вольский, *Поэтико-философский текст как объект филологической герменевтики*, автореф. дис. на соис. уч. ст. д. филос. н., Санкт-Петербург 2008.

² В. И. Карасик, *Языковая матрица культуры*, Москва: Гнозис 2013.

³ Б. Кенжеев, *Стихи последних лет*, Москва: [б. и.] 1992, с. 17.

зданий – руины, вместо стен – провалы и ямы, вместо деревьев и цветов – засохшие растения. Шум человеческой жизни замещен визгом шакалов и свистом каких-то птиц. Всадник, по-видимому, является посланцем Бога, проверяющим, остался ли кто-либо в живых после апокалипсической кары. И здесь мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием. Кто он – археолог, сдвигающий занавес над мертвым городом: Творец мироздания, который разочаровался в своем творении? или обобщенный образ наших современников, вззирающих на ушедшие цивилизации? Всадник кого-то искал в этом городе. Вспомним сказание о Содоме. Допустим, что был промежуток между финальным решением уничтожить это место огнем с небес и поиском хотя бы нескольких оставшихся праведников. На наших глазах этот интервал времени исчерпывается: «тень... перетекает в пламя». На лице всадника появляется серая улыбка – этот эпитет может быть истолкован как знак смерти. Между тем в городе сохраняется жизнь, поскольку есть те, кто видит, что над ними (сказано «над нами») кружит этот посланец. И значит, жива надежда.

В другом стихотворении поэт развивает тему горечи прощания с этим миром, отчетливо выраженную в Экклезиасте:

Сердце хитрит – ни во что оно толком не верит.
Бьется, болеет, плутает по скользким дорогам,
плачет взхлеб – и отчета не держит ни перед
кем, разве только по смерти пред Господом Богом.

Слушай, шепчу ему, в медленном воздухе этом
я постараюсь напиться пронзительным светом,
камнем и деревом стану, отчаюсь, увяну,
солью аттической сдобрю смердящую рану.

Разве не видишь, не чувствуешь – солнце садится,
в сторону дома летит узкогрудая птица,
разве не слышишь – писец на пергаменте новом
что-то со скрипом выводит пером тростниковым?

Вот и натешилось. Сколько свободы и горя!
Словно скитаний и горечи в Ветхом завете.
Реки торопятся в море, но синему морю
не переполниться – и возвращается ветер,

и возвращается дождь, и военная лютня
все отдаленней играет и все бесприютней,

и фонарей, фонарей бесконечная лента...

Что они, строятся – или прощаются с кем-то?⁴

(«Сердце хитрит – ни во что оно толком не верит...»)

Предчувствие смерти обозначено как плач сердца. Эту метафору можно признать традиционной. Вместе с тем обратим внимание на то, что на финальной стадии жизни человек обретает способность остро пережить каждый миг бытия, суть которого – «пронзительный свет»; в словосочетании «медленный воздух» показана ценность каждой секунды оставшегося времени. Человек понимает, что превращается в неодухотворенную материю, но сохраняет мужество иронизировать по этому поводу: «солью аттической сдобрю смердящую рану». Птица, летящая в сторону дома, – это, возможно, душа, которая возвращается к Создателю. А тот, кто выводит новую надпись на пергаменте, определяет судьбу объектов реинкарнации. Важным является сочетание «свобода» и «горе». Свобода – это право выбора. Наступает момент, когда выбора уже нет. Буквальные цитаты из Экклезиаста о реках, текущих в море, и ветре, который по кругам возвращается, напоминают нам о скитаниях на земле. Но к этим цитатам добавлен энигматический образ бесконечной ленты фонарей. Возможно, это души, пришедшие для встречи с тем, чей путь завершился.

Заслуживает внимания смысловой мост, который поэт увидел между днями творения и днем уничтожения мира:

Стояло утро – день седьмой. Дремали юноша и дева,
и не казались им тюрьмой сады просторного Эдема.

Воздушный океан кипел – а между Тигром и Евфратом
цвел папоротник, зяблик пел, и был бутоном каждый атом,

и в темных водах бытия была волна – гласят скрижали, –
гепард, ягненок и змея на берегу одном лежали.

Времен распавшаяся связь! Закрывать глаза в неясной рани,
и снова, маясь и двоясь, как бы на стереоэкране –

летит фазан, бежит олень, коровы рыжие пасутся,
и вдохновенье – только тень бессмертия и безрассудства...

Играй же, марево зари, и в темных ветках плод кровавый
гори – так было – не хитри, не мудрствуй, ангел мой лукавый,

⁴ Б. Кенжеев, *Сочинитель звезд*, [электронный ресурс] <http://modernpoetry.ru/main/bahyt-kenzheev-sochinitel-zvyozd#serdtse> [02.07.2020].

стоящий соляным столпом спиной к солнцу молодому,
где огонь струится из руин благословенного Содома⁵.

(«Стояло утро – день седьмой. Дремали юноша и дева...»)

В Библии сказано, что человек был создан в день шестой сотворения мира. День седьмой стал для Создателя отдыхом. Восьмой день толкуется некоторыми теологами как день Страшного суда, примером которого является судьба порочного города Содома. Обратим внимание на важные знаки: в райском саду в день седьмой цветет папоротник (у этого растения, как известно, цветов нет), поет зяблик (по народным приметам это предвещает резкое похолодание), хищники, травоядные и змеи мирно соседствуют⁶. Но после седьмого дня наступает день восьмой, и созревает «в темных ветках плод кровавый», символ уничтожения мира. Поэт творчески развивает повествование о гибели Содома: жена праведника Лота оглянулась, чтобы посмотреть на горящий родной город, и превратилась в соляной столп. В приведенном тексте на ее месте мы видим ангела, повернувшегося спиной к солнцу. Вероятно, это бунт против Создателя, не случайно используется атрибут «ангел лукавый». Значимой является и характеристика сожженного города – «благословенный». Но мы знаем, что Содом был скопищем пороков, перечисленных в священном тексте. Отсюда вытекает энигматический смысл сюжета об уничтожении этого города: порочность его жителей была запрограммированной. Обратим внимание на то, что уничтожение Содома, Гоморры и других окрестных городов, на месте которых возникло Мертвое море, было вторым наказанием человечества после всемирного потопа. В библейском сказании о Содоме мы видим назидание. Поэт интерпретирует этот нарратив в ином ключе – здесь можно увидеть переключку с древнеиндийским сказанием о высшем божестве Шиве, созидающем и разрушающем миры. После разрушения неизбежно наступает период нового созидания. Разумеется, данная версия интерпретации приведенного стихотворения является одним из возможных вариантов истолкования этого энигматического символа.

Горькая ирония в отклике на тему уничтожения порочного города и всей нашей цивилизации присутствует в аллюзийном стихотворении Е. Лесина:

Вышел месяц и вынул свой ножичек.
И как начал творить чудеса.
Над Содомом прошел серный дожидчик.
Серный дождь нам – как божья роса.

⁵ Б. Кенжеев, *Сочинитель звезд...*, [02.07.2020].

⁶ В книге пророка Исаи сказано: «Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11: 6).

Самолеты набиты пилотами.
В поездах сплошь плацкартный джихад.
Все бегут за практичными Лотами.
Даже плюнуть назад не хотят.

Никому и ни в чем не отказывай.
Все раздай, что копили с трудом.
Я люблю городочек свой вязевый –
Третий Рим и последний Содом.

И другого не знаю, хоть коржичек,
А хоть бомбочкой жажни взлет.
Над Содомом прошел серный дождичек,
Ну а к завтраму все заживет...⁷

(«Вышел месяц и вынул свой ножичек...»)

Стихотворение стилистически балансирует между элегией и саркастическим перепевом. Начальная отсылка связана с детской считалкой: «Вышел месяц из тумана, / вынул ножик из кармана. / Буду резать, буду бить, / все равно тебе голить». Серный дождь (в тексте «дождичек») сравнивается с божьей росой. Сниженная и отчасти вульгарная ассоциация может быть проинтерпретирована как блаженное идиотское непонимание мира нашими современниками. Далее речь идет о тех, кто спешит покинуть проклятый город: люди воюют за места в плацкарте и бегут вслед за практичными Лотами. Впрочем, в исходном тексте Лот вовсе не хотел покидать свой город. Следующая отсылка напоминает назидание из хрестоматийного в английской культуре стихотворения Р. Киплинга *If*. В классическом переводе М. Лозинского *Заповедь* оно звучит так:

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том...⁸

Поэт называет свою страну Третьим Римом и последним Содомом и утверждает, что не покинет ее ни за какие коржички и даже под ударами бомб. Высказывание «И другого не знаю» тоже цитатно и отсылает

⁷ Е. Лесин, *Август 14-го*, [электронный ресурс] <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=12046> [03.07.2020].

⁸ М. Л. Лозинский, *Багровое светило: стихи зарубежных поэтов в переводе М. Лозинского*, сост., авт. предисл. и примеч. Е. Эткинд, Москва: Прогресс 1974, с. 93.

к двустиию «Я другой такой страны не знаю, / где так вольно дышит человек» из *Песни о Родине* («Широка страна моя родная...») В. Лебедева-Кумача. Текст заканчивается цитатой из С. Есенина: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет» («Все живое собой метой...»)⁹. Мы видим совмещение двух несовпадающих сценариев: с одной стороны, житель проклятого города с усмешкой комментирует божью кару, но, с другой стороны, мы знаем, что на месте этого города остались только прах и пепел.

Весьма своеобразно тему египетского плена и исхода из Египта раскрывает И. Фаликов в стихотворении 1968–2008:

Никуда не привел ты меня, Моисей.
Сорок лет проскочило впустую.
Надоел ли пейзаж, не сочту ли путей,
с кипарисом ли путаю тую –
тот, кто был помоложе, трупак трупаком
в дагестанской валялся долине,
а потом по планете пошлялся пешком,
и сюжетных немерено линий.

Иммортели цветут, и морская бурда
пацанве выдает на орехи,
и на танки, вошедшие в Прагу тогда,
отвечают локатором чехи,
в донкихоты пошел Александр Гордон,
впереди – копыеносец Егорий,
и, не зная оглядки на прочный кордон,
по вселенной разросся цикорий.

Не предвидится туч над Испанией всей,
то же самое в спальном районе.
Никуда не привел ты меня, Моисей.
Гомон чаичий, грохот вороний.
Это факт: бросил якорь и стал на прикол
запах кражи и дух распродажи.
Что египетский плен? Я оттуда пришел
и уйду несомненно туда же¹⁰.

⁹ С. А. Есенин, *Полное собрание сочинений*: в 7 т., гл. ред. Ю. Л. Прокушев, Москва: Наука; Голос 1995, т. 1, с. 156.

¹⁰ И. Фаликов, *Подземные молнии: стихи*, «Дружба народов» 2009, № 5, с. 5.

Стихотворение насыщено энигматическими символами. Кто валялся мертвым в дагестанской долине? Почему упомянут цветок иммортель – бессмертник? Для чего используется сниженный измененный фразеологизм «выдать на орехи» («получить на орехи» значит быть наказанным)? Почему телевизионный ведущий Александр Гордон сравнивается с известным персонажем Сервантеса? И при чем здесь Георгий Победоносец? Почему в тексте говорится о цикории, синие цветы которого, согласно славянским преданиям, спасают от черной немочи, т. е. депрессии? С какой целью упоминается строка из песни «Над всей Испанией безоблачное небо» (1936)¹¹? Что символизируют чайки и вороны? Попробуем проинтерпретировать эти знаки. Упоминание о долине Дагестана – отсылка к стихотворению Лермонтова *Сон*: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...»¹². Лирический герой находится за гранью жизни и смерти, а бессмертие оборачивается вечным скитанием. Эта тема усилена образом желтых иммортелей (в древности верили, что этот цветок связывает души живых и мертвых). Аллюзия на события пражской весны 1968 г., по-видимому, свидетельствует о бессмысленности попыток остановить ход истории. Кардинально меняются сами люди: бизнесмен становится поборником справедливости и следует за святым, убивающим змея. Цветок цикорий в этом ряду, вероятно, символизирует неизменность и стабильность в мире, который охвачен «запахом кражи и духом распродажи». Чайки связаны с морем, вороны с сушей – на земле одно и то же. Лирический герой не смог обрести свободы. Египетское рабство становится его вечным уделом. Отсюда мысль о бессмертии как наказании.

В ином ключе цепь аллюзий о рабстве египетском развивается в стихотворении О. Комкова *Бегство в Египет*:

Прочь из плена зимы,
Грачим гонимы граем,
Вновь спускаемся мы
В узкий, тёмный Мицраим.

О теснина тоски!
Там, за облачным краем,
Вновь объятий тиски
Нам раскроет Мицраим.

¹¹ По мнению некоторых источников, после того как в эфире прозвучали эти слова, в Испании начался франкистский мятеж.

¹² М. Ю. Лермонтов, *Полное собрание стихотворений*: в 2 т., гл. ред. Ю. А. Андреев, Ленинград: Советский писатель 1989, т. 2, с. 76.

Вновь на струнах сердец
Скорбный мотив играем.
Близок мрачный гордец –
Вечный призрак, Мицраим.

Смертью древней, как тень,
Бредим иль умираем?
В ночь обращает день
Чёрной птицей Мицраим.

Се, парит до утра
Между адом и раем
Чёрный бессмертный Ра,
В смерти храня Мицраим¹³.

Библейский сюжет о рабстве египетском построен весьма затейливо. Вспомним: в Ветхом Завете сначала братья продают Иосифа, и он оказывается в рабстве египетском, попадает в тюрьму, разгадывает сны, становится первым министром у фараона, спасает от голода братьев и дает им приют в Египте. Затем новый фараон делает рабами все племя пришельцев, которые в тяжких трудах строят пирамиды. Потом появляется спаситель, чудом оставшийся в живых; младенцем посланный по водам и воспитанный в доме фараона, он получает задание от Бога спасти свой народ и выводит его из Египта. В Новом Завете Мария с младенцем и Иосифом уходят в Египет, чтобы спастись от Ирода. Обратим внимание на вектор движения в цитируемом тексте: «вновь спускаемся». Налицо вертикаль: верх – низ, наш мир – Египет, жизнь – смерть. Почему автор использует древнееврейское библейское название Египта Мицраим? Этимология этого слова неоднозначна. Грамматически оно стоит в двойственном числе, что соответствует единству верхнего и нижнего Египта и исторически подтверждается двойной короной египетских фараонов. Корень слова «ц-р» в огласовках соотносится с понятиями тесноты, узости и болезни. Отсюда и название проказы – «цараат». Префикс *м-* выражает каузативное значение. Сравним: «лехем» – «хлеб», «милхама» («война») – букв. отбирание хлеба, т. е. разбойничий набег. В стихотворении акцентируются смыслы узости и темноты. Значимым является тройное повторение «вновь», сюжет развивается по кругу. Странствие в загробный мир энигматически пересекается с упоминанием о древнеегипетском боге солнца Ра, но в этом тексте бессмертный Ра относится к миру ночи, в котором мы

¹³ О. Комков, *Стихотворения*, «Плавучий мост: журнал поэзии» 2014, № 1, [электронный ресурс] <http://www.plavmost.org/?p=663> [03.07.2020].

пребываем до утра. Заглавие стихотворения *Бегство в Египет* соотносится с новозаветным осмыслением этого события. Мы умираем и возрождаемся, возвращаясь из Египта.

Приведенные толкования библейских аллюзий в текстах актуальных российских поэтов охватывают ничтожно малую часть упоминаний о сюжетах и идеях Библии в современной литературе. Тем не менее это позволяет утверждать, что энигматическое осмысление библейских символов – живая тема современной поэзии. В ее осмыслении особую ценность получают вечные вопросы о добре и зле, выражается ироническое отношение к назиданиям, движение по кругу становится воплощением архаической модели календарного времени. В поэтической вселенной всегда актуальным оказывается изречение Новалиса («Генрих фон Офтердинген»): «Wohin gehen wir? Immer nach haus»¹⁴.

References

- Averintsev, Sergei S. *Simvol*. In: *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar*, ed. L. F. Ilichev. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1983: 607–608.
- Esenin, Sergei A. *Polnoe sobranie sochinenii*: v 7 t., ed. Yu. L. Prokushev. Moskva: Nauka; Golos, 1995–2002.
- Falikov, Ilya Z. “Podzemnye molnii: stikhi”. *Druzhba narodov*. No. 5 (2009): 3–5.
- Karasik, Vladimir I. *Yazykovaya matritsa kultury*. Moskva: Gnozis, 2013.
- Kenzheev, Bakhyt Sh. *Sochinitel zvezd*. <http://modernpoetry.ru/main/bahyt-kenzheev-sochinitel-zvyozd>
- Kenzheev, Bakhyt Sh. *Stikhi poslednikh let*. Moskva: [b. i.], 1992.
- Komkov, Oleg A. “Stikhotvoreniya”. *Plavuchii most: zhurnal poezii*. No. 1 (2014). <http://www.plavmost.org/?p=663>
- Lermontov, Mikhail Yu. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy*: v 2 t., ed. Yu. A. Andreev. Leningrad: Sovetskii pisatel, 1989.
- Lesin, Evgenii E. *Avgust 14-go*. <http://www.reading-hall.ru/publication.php?id=12046>
- Losev, Aleksei F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo*. Moskva: Iskustvo, 1995.
- Lotman, Yurii M. *Mezhdru emblemoy i simvolom*. In: *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 2. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1997: 416–423.
- Lozinskii, Mikhail L. *Bagrovoye svetilo: stikhi zarubezhnykh poetov v perevode M. Lozinskogo*. Moskva: Progress, 1974.
- Mikhailova, Alla A. “Simvol, allegoriya, pritcha. Na putyakh khudozhestvennogo poznaniya mira (Znachenie uslovykh form v iskusstve i literature)”. *Znaniya*. No. 11 (1966): 213–229.
- Prorokov, Mikhail V. “Kategoriya khudozhestvennogo obraza i problema simvola (v literature)”. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. No. 4 (1987): 39–47.
- Sheikin, Arkadii G. *Simvol*. In: *Kulturologiya. Entsiklopediya*: v 2 t. Vol. 2. Moskva: ROSSPEN, 2007: 457–458.
- Shelestyuk, Elena V. *Semantika khudozhestvennogo obraza i simvola (na materiale angloyazychnoi poezii XX veka)*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1998.

¹⁴ Куда же мы идем? Всегда домой.

Volskii, Aleksei L. *Poetiko-filosofskii tekst kak obekt filologicheskoi germenевtiki*. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2008.

© by the author, licensee Lodz University – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)